

УДК 94(393)+[[81'373.613::811.124]+[930.271::811.14]]

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-816-830

EDN EUZNPK

Оригинальное исследование

К вопросу о специфике и характере употребления латинских заимствований в греческой эпиграфике Киликии и Исаурии в I в. до н. э. – VII в. н. э.

Лобынцев Д.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: 1370485@bsuedu.ru

Аннотация. В римскую и позднеантичную эпоху латинский язык играл роль языка общегосударственного общения в восточных провинциях Римской Империи. Согласно распространённой точке зрения, его употребление в грекоязычных регионах римского Востока в целом было ограниченным и прекратилось в IV–V вв. после дезинтеграции политического единства Империи. Данная работа посвящена использованию латинизмов в греческой эпиграфике регионов Киликии и Исаурии. На наш взгляд, это исследование позволит переосмыслить глубину греко-латинского языкового контакта в период с I в. до н. э. по VII в. н. э. Осуществление анализа надписей позволило разделить обнаруженные латинизмы на несколько тематических групп, а также выделить характерные формы и особенности заимствования и адаптации латинизмов в эпиграфике данных регионов, такие как гибридная калька, морфологическая интеграция и др. Показано, что заимствования наименования военных и гражданских профессий демонстрируют пример пролонгированного влияния латыни на греческую языковую среду.

Ключевые слова: Киликия, Исаурия, эпиграфика, заимствование, калька, греческий язык, языковой престиж, римский Восток, поздняя Античность

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Лобынцев Д.В. 2025. К вопросу о специфике и характере употребления латинских заимствований в греческой эпиграфике Киликии и Исаурии в I в. до н. э. – VII в. н. э. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 816–830. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-816-830. EDN: EUZNPK

On the Issue of the Specifics and Nature of Using Latin Loanwords in the Greek Epigraphy of Cilicia and Isauria from the 1st Century BC to the 7th Century AD

Denis V. Lobyncev

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: 1370485@bsuedu.ru

Abstract. During the Roman and Late Antique periods, the Latin language served as the language of official communication in the eastern provinces of the Roman Empire. According to a common view, its use in the Greek-speaking regions of the Roman East was generally limited and ceased in the 4th – 5th centuries, following the disintegration of the political unity of the Roman Empire. This article is devoted to the problem of the using of Latinisms in the Greek epigraphy of the Cilicia and Isauria. In our view, the study will allow us to rethink the depth of Graeco-Latin language contact between the 1st century BC and the 7th century AD.

© Лобынцев Д.В., 2025

The analysis of the inscriptions has made it possible to divide the discovered Latinisms into several thematic groups, as well as to highlight the characteristic features of borrowing and adaptation of Latinisms in the epigraphy of these regions, such as hybrid calques, morphological integration, and others. It is shown that borrowings of the names of military and civil professions demonstrate an example of the prolonged influence of Latin on the Greek linguistic milleu.

Keywords: Cilicia, Isauria, epigraphy, loanword, loan translation, Greek language, linguistic prestige, Roman East, Late Antiquity

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Lobyncev D.V. 2025. On the Issue of the Specifics and Nature of Using Latin Loanwords in the Greek Epigraphy of Cilicia and Isauria from the 1st Century BC to the 7th Century AD. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 816–830 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-816-830. EDN: EUZNPK

Введение

Процесс завоевания Малой Азии Римской республикой, начавшийся в конце II в. до н. э. и в целом завершившийся уже в эпоху раннего принципата, в начале I в. н. э. (в отдельных частях региона – вплоть до 2-й пол. I в.), закономерно сопровождался установлением не только политического, но и культурного влияния Рима над данным регионом. Одними из важнейших сторон культурного аспекта романизации (или, если угодно, интеграции региона в римскую ойкумену) исследователи признают изменения в области религии и языка [Graen, 2005, p. 36], хотя данный процесс был гораздо более разносторонним.

Одним из «плацдармов» романизации данного региона стала Киликия – регион в юго-восточной части Малой Азии, занимавший Киликийскую равнину и внутренние горные районы Центрального Тавра, позднее организованные в отдельную провинцию Исафрия. Логика развития языковых процессов в данном регионе, к концу I тыс. до н. э. – началу I тыс. н. э. имевшем статус двуязычного (говоря условно, грекеско-лувийского) [Houwink ten Cate, 1961, p. X; Mitford, 1980, p. 1255; Pilhofer, 2016, p. 56], предполагала определённую степень взаимодействия греческого и латинского идиомов, происходившего в самых разнообразных проявлениях. Важное место среди них занимают трансформация регионального ономастикона и возникновение корпуса латинской эпиграфики.

В данном исследовании мы хотели бы уделить внимание такому явлению, как практика использования заимствованных латинских имён нарицательных в греческих надписях Киликии и Исафрии, созданных период с I в. до н. э. по VII в. н. э. Именно на указанном временном отрезке латинский язык имел статус значимого и во многом престижного компонента региональной языковой ситуации.

Помимо крупной, но имеющей обобщающий характер монографии Э. Дикей [Dickey, 2023], представленная проблема отчасти была исследована в статье Э. Кэмерона «Латинские слова в греческих надписях» [Cameron, 1931]. Тем не менее признаваемые последним явные поверхность и неполнота данного перечня, концентрация на морфологической составляющей заимствований, а также проведение анализа без учёта хронологической и географической специфики заимствований (пространственный ареал статьи Кэмерона включал в себя всю Малую Азию), на наш взгляд, делают необходимым подробное изучение данной проблемы в локальном «разрешении». Достижение данной цели позволит уточнить не только особенности языковой ситуации в регионе, но и специфику романизации Восточного Средиземноморья в римскую и позднеантичную эпохи.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является греческая эпиграфика Малой Азии. В качестве предмета исследования нами избрана специфика употребления латинских заимствований в

исаврийской и киликийской грекоязычной эпиграфике римской и позднеантичной эпохи. Концентрация на столь узкой группе источников вызвана как относительной малочисленностью письменных источников, созданных представителями или обитателями данного региона в рассматриваемый период, так и несколько большей ориентированностью эпиграфических источников на закрепление особенностей общеупотребительной лексики.

Особенности тематики, целей, задач и источников базы исследования определили выбранные нами методы исследования. Основой исследования является *принцип междисциплинарности*, предполагающий в данном случае сочетание собственно исторических методов с положениями исторической социолингвистики. Анализ проблемы через призму *истории повседневности* даёт понимание причин, вследствие которых грекоязычное население Киликии и Исаврии в рассматриваемый период обращалось к латинской лексике. Использование *историко-генетического метода* позволило рассмотреть заимствования латинской лексики в региональных эпиграфических корпусах как длительный динамический процесс, исторически развивавшийся как в количественном (изменение объёмов заимствования), так и в качественном (частотность заимствуемых частей речи, динамика заимствования имён нарицательных и др.) отношениях. Наконец, определение ключевых тематических категорий заимствованных слов, выявление преобладающих форм лексического заимствования (транслитерация, калькирование, гибридизация и т. д.) и установление исторического контекста данного явления достигается посредством *историко-системного метода* вкупе с элементами *лингвистического анализа*.

Результаты и их обсуждение

Установление римского контроля над греческими (с культурной, языковой и этнической точек зрения) регионами, такими как материковая Греция, Балканский п-ов, Малая Азия и др., неизбежно влекло за собой установление в них римских политических, экономических и социальных институтов. Разумеется, такого рода нововведения подразумевали и вовлечение в различные сферы общения (в официальную сферу, прежде всего) латинского языка.

Тем не менее сама по себе распространённость латинского языка была в рассматриваемых регионах невысокой, а число его носителей – довольно ограниченным, и эпиграфические источники свидетельствуют об этом как нельзя более красноречиво. Так, реpertорий античных и византийских надписей западной Киликии и Исаврии, собранный Стивеном Хагелем и Куртом Томашцем и включающий в себя 1 732 надписи из данного региона¹, содержал лишь 25 латинских текстов. Корпус надписей Аназарба, крупнейший в равнинной Киликии, менее чем на 2 % (13 надписей из 661) был латиноязычным, а из 63 надписей Тарса, насчитанных М. Саяром, латинскими являются 4, т. е. лишь 6 % [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 9, 399; Sayar, 2000, s. 1; Pilhofer, 2016, p. 54]. Многие из этих текстов, что немаловажно, были билингвальными. Хотя недавние разыскания существенно дополнили представленный корпус, общее соотношение латинских и греческих надписей конца I в. до н. э. – VII вв. н. э. изменилось незначительно.

Именно по этой причине латинские заимствования в греческой эпиграфике Киликии и Исаврии представляют особый интерес для исследователя. Как справедливо отметил Э. Кэмерон, установление роли таких «слов-пришельцев» в местных эпиграфических корпусах позволило бы отказаться от излишне категоричных суждений о слабом влиянии латинского языка на языковую среду римского Востока [Cameron, 1931, p. 232], хотя относиться к данному виду источников следует довольно осторожно. Для решения поставленных задач обратимся к анализу тематических подгрупп таких латинизмов.

Одни из самых очевидных и наиболее частотных заимствований, очевидно, входят в корпус *политической лексики*, проникшей в региональную эпиграфику непосредственно с установлением римского контроля над регионом. Её использование в местном корпусе не

¹ Число дано с поправкой на памятники Памфилии, в основном отмеченные в данном реpertории западнее линии 32° в. д. [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 8–11].

отражает прямо степень влияния латинского «окружения» на местную языковую среду, т. к. является универсальным для греческой традиции римской и ранневизантийской эпох в целом, однако специфика её употребления заслуживает особого внимания. Суммарная доля военно-политических и политико-юридических латинских терминов составляла, по подсчётом Э. Дикей, до 40 % от общего числа заимствований [Dickey, 2023, p. 639–640] и была, таким образом, довольно высокой.

Среди наиболее широко употребляемых латинизмов, засвидетельствованных в массе почётных надписей римского Востока, следует привести понятия *αὐγούστος* (засвидетельствовано в нескольких десятках надписей и закрепилось вплоть до VI в.), *καῖσαρ* [см. Dagron, Feissel, 1987, p. 266; Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 468–469], а также различные элементы почётной титулатуры. Некоторые из них были связаны с императорским агнomenом, который нельзя прямо относить к антропонимическим заимствованиям, как, например, вошедшее в титул прозвище «Περτίναξ» в надписях, посвящённых Луцию Септимию Северу, или титулы Траяна «Δακικός» и «Γερμανικός» [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 468–469]). Их повсеместное внедрение в греческую эпиграфику стало закономерным результатом подчинения грекоязычных регионов римским политическим институтам. В ходе данного процесса местная политическая лексика обогатилась рядом понятий, подчас труднопереводимых или не имевших адекватного греческого эквивалента, а потому с точностью перенятых из языка-донора [Dickey, 2023, p. 641].

Перечень политических заимствований, употребляемых в региональной эпиграфике, также связан с кругом должностей, которые в IV–V вв. легли в основу восточноримских *officia*. К данной группе можно отнести должности *κόμης* [Idem, p. 59, 165; Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 466; Sayar, 2000, s. 32–33], *βηκάρης*, *μαγιστριανός* (подчинённый *magister officium*) и *ταβουλάριος* (финансовый чиновник или писец) [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 140–142, 179]. В надписи из Мопсуестии упоминается *τριβοῦνος* (*καὶ*) *νοτάριος*, в рамках *schola notariorum* представлявший собой должность секретаря императорской консистории и советника (зачастую с обязанностью выполнять поручения императора в провинциях [Dagron, Feissel, 1987, p. 147–148]). В ряде поселений также были найдены надписи с упоминанием членов личной охраны императора – *δομεστικός*², *κανδιδᾶτος* и *προτήκτωρ* [Dagron, Feissel, 1987, p. 146; Campbell, 1998, p. 46; Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 17, 18, 331]; первая из этих должностей в ранневизантийской системе придворных рангов была также дополнена функцией прикомандирования к определённой провинции для исполнения конкретных поручений императора [Jones, 1964, p. 602–603]. Монументальная надпись из Кас, кроме прочего, упоминает должности *μαγίστρος* и *μαγίστρος τῶν ὄφφικίων* [Idem, s. 139–143], а в тарсийской эпитафии комиту Музонию, явно датируемой периодом не ранее IV в., Д. Фисслем восстановлены должности *σκρινιάριος* и *κανκελλάριος* (обозначения служащих различных канцелярий) [Dagron, Feissel, 1987, p. 215–216].

Особняком в данном ряду стоят должность *δεκανός* (семантическое расширение лат. *decānis* («лицо, ответственное за десять человек») под влиянием *decuriō* – «декурион») и соответствующее ему название органа местного самоуправления – *δεκανία* (ср. лат. *decūria*) [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 410]: латинизмы, связанные с институтами местного самоуправления и вообще городскими административными учреждениями, редко встречаются в надписях Киликии и Исааврии. Нетипичными примерами последних также можно считать должность тюремщика (*καβικλάριος*, от лат. *clāvīculārius*) [Keil, Wilhelm, 1931, s. 192] и городского привратника – *οστεария* (*όστειάριος*). В частности, в Аназарбе группа последних наряду с иерофорами участвовала в сооружении статуи в честь Каракаллы. Учитывая, что упомянутые в надписи иерофоры, согласно замечанию М. Гоуфа, участвовали

² В надписи из Диокесарии также приведён титул *δομεστικὸς τοῦ θίου παλατίου* (гибридная калька от *sācri palātii*) [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 331].

в проведении городских мистерий, указанные остеарии могли быть привратниками конкретных городских храмов или святилищ [Gough, 1952, р. 129–131].

Следует отметить, что вплоть до III–IV в. надписи не только в данном регионе, но в целом и на грекоязычном римском Востоке демонстрируют обращение к калькированию некоторых римских титулов и наименований магistratur. К данной группе относятся термины ὕπατος и ἀνθύπατος (соответственно в значениях «консул» и «проконсул») [см. Hicks, 1890, р. 240; Heberdey, Wilhelm, 1896, с. 89; Gough, 1952, р. 138; Hagel, Tomaschitz, 1998, с. 467], πρεσβευτής («легат»), ἀντιστράτηγος («пропретор»), а также наименования чиновничих рангов (διασημότατος, μεγαλοπρεπέστατος, λαμπροτάτος и др.) [см. Hagel, Tomaschitz, 1998, с. 197–198, 406, 411, 421–422, 427], использовавшиеся в эпиграфике (в т. ч. и в местной) вплоть до V–VI вв. практически безальтернативно по отношению к латинским терминам [Dickey, 2023, р. 568]. Так, известен лишь один случай использования понятия ἥλούστριος (лат. *vir illustris*) вместо греческого аналога (εὐδοξότατος) в надписи, принадлежавшей погребённому в Корике сенатору Иоанну [Hagel, Tomaschitz, 1998, с. 293]. Также характерен тот факт, что в одной из наиболее ранних сохранившихся греческих надписей, посвящённых римскому присутствию в Киликии (надпись 81/80 гг. до н. э. о даровании квестором Луцием Лицинием Лукуллом иммунитета мопсуестийским святылищам), фигурирует калька ἀντιστράτηγος и отсутствуют какие бы то ни было латинизмы [Sayar, Siewert, Taeuber, 1994, с. 114–115].

В ряде киликийских надписей, датируемых преимущественно I–III вв., также употребляется формула πατέρ (τῆς) πατρίδος (иногда сокращённо – «π. π.»), восходящая к титулу *pater patriae* – «отец отечества» [см. Corpus, 1853, р. 624; Gough, 1952, р. 131–132, 138; Dagron, Feissel, 1987, р. 120–123; Hagel, Tomaschitz, 1998, с. 61, 148–150, 342, 357, 489]. К тому же перечню следует отнести титул ἑπαρχος τεχνειτῶν, представляющий собой греческую транслитерацию *praefectus fabrum*, засвидетельствованную в ряде малоазийских надписей [Hicks, 1890, р. 245–246], διασημότατος ἡγούμενος τῆς ἑπαρχίου (*perfectissimus praeses provinciae*) [Borgia, 2010, р. 157–158], χειλίαρχος πλατύσημος (*tribunus laticlavius*) из надписи II в. в Магарске [Heberdey, Wilhelm, 1896, с. 9].

Напротив, прямо заимствованные термины в данный период были редки и известны нам лишь в двух примерах: таковы титулы πρίφεκτος (в предлагаемой реконструкции надписи из Селевкии Исаврийской) [Keil, Wilhelm, 1931, с. 22] и σεπτέμονιφ из милиария I в., отсылающий к *septemviri epulones* – коллегии жрецов, отвечающих за священные пиршества в честь римских божеств. Тем не менее последний случай нельзя счесть в подлинном смысле заимствованием, поскольку заказчиком надписи был, безо всяких сомнений, не местный житель, а некий латиноговорящий чиновник [French, 2014, р. 46–49]. Так или иначе, в количественном отношении предпочтение греческих калек или гибридных понятий прямым заимствованиям показательно.

Попутно заметим, что практически все термины, обозначавшие род деятельности (как военно-политического, так и гражданского характера), включая и кальки, подвергались морфологической интеграции, т. е. после заимствования в греческую лексику перенимали греческие флексии, таким образом, склоняясь по правилам принимающего языка [Dickey, 2023, р. 11–13] (напр.: *legiōnārius* (-ο) > λεγιονάριος (-ω, Dat. Sing.); *tribūnus* (-i) > τριβοῦνος (-ον, Gen. Sing.) [Heberdey, Wilhelm, 1896, с. 33; Dagron, Feissel, 1987, р. 148] и др.; также ср. кальку: *praefēctus fābrum* (Dat. Sing.) > ἑπαρχος τεχνειτῶν).

Как уже было отмечено, приведённые нами политические заимствования в основной своей массе обозначают государственные должности. Специальная юридическая терминология, подчас редко встречающаяся в греческих источниках даже после заимствования, в местной эпиграфике почти не упоминается. Исключениями являются встречающиеся единожды понятия ḫδиктов (от лат. *edictum*) и βρεβιατικά, последнее из которых, согласно наиболее аргументированной точке зрения, представляет собой акт (вероятно, патентного типа), дарующий его обладателю право получения определённого вознаграждения [Hagel, Tomaschitz, 1998, с. 142; Onur, 2017, р. 175–176].

Заимствования *социально-статусных терминов* в местной эпиграфике также немногочисленны. Почётный титул *ματρώνα* (употреблённый, однако, непосредственно римлянкой) фигурирует в билингвальной надписи II в. из Тарса [Dagron, Feissel, 1987, p. 75]. Примечателен соционим *τριβούνισσα* («жена трибуна») из сохранившегося фрагмента надписи Клавдиополя [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 162], который представляет собой редкий для местной эпиграфики пример образования латинского заимствования с помощью феминативного суффикса *-ισσα*; согласно замечанию С.Ю. Чуевой, его широкое употребление было особенно характерно для ранневизантийской эпохи [Чуева, 2024, с. 41], благодаря чему надпись можно достаточно уверенно датировать данным периодом. Термином *κουδῷμ(ῆν)ος* в одной из надписей Корикосского некрополя [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 293] обозначены, вероятно, два брата-домовладельца; в пользу престижности данного термина может говорить его уникальность в греческой эпиграфике Малой Азии. Более широкое распространение в данной группе имело понятие *πατρόντς*, употребление которого засвидетельствовано в нескольких надписях, относящихся к периодам поздней Республики и раннего принципата (с I в. до н. э. по II в. н.э.) [Heberdey, Wilhelm, 1896, s. 8–9; Keil, Wilhelm, 1915, s. 51; Inscriptiones, 1975, p. 336; Dagron, Feissel, 1987, p. 37]. В дальнейшем, однако, последнее понятие вышло из употребления в почётных надписях, будучи заменено такими греческими эквивалентами, как, например, *προστάτης* [Inscriptiones, 1975, p. 338; Robert, 1977, p. 88–90].

В основном местные социально-статусные термины имели престижный характер, что в целом свидетельствует о частичной предпочтительности латинского языка в регионе – по крайней мере, вплоть до III–IV вв., когда засвидетельствована основная масса данных заимствований. За исключением понятия *φαμιλιαρικός* из диокесарийского некрополя, происходящего, вероятно, от лат. *familiaris* (см. Edict. Diocl. 26.10) и также обозначающего слугу [Linnemann, 2013, s. 137], латинизмы, маркирующие представителей более низких социальных слоёв, в местной эпиграфике не встречаются.

Важнейшее положение в киликийских и исаврийских надписях имеют *заимствования военного характера*. Уже с I в. н. э. Киликия, присоединённая к Римской империи, обретала статус стратегического в военном отношении региона. Размещение римских солдат-ветеранов и отдельных регулярных частей в Киликии, Исаврии и прилегающих к ним регионах получило отражение в эпиграфике [Sayar, 2019] на протяжении всего периода римского и византийского присутствия в регионе. Логичным следствием данного явления стала концентрация значительной доли заимствований в погребальных надписях.

Перечень наиболее часто употребляемых в эпиграфике Киликии и Исаврии латинизмов включает в себя, прежде всего, понятия *κάστρων* [см. Inscriptiones, 1975, p. 332–333; Dagron, Feissel, 1987, p. 123; Sayar, 2000, s. 25–26], *λεγεών* и *λεγιονάριος* [см. Heberdey, Wilhelm, 1896, s. 9, 33, 55; Inscriptiones, 1975, p. 323, 339, 344], *νουμέρος* (как обозначение небольшого военного отряда) [Campbell, 1998, p. 44–45], *οὐετράνος* [см. Heberdey, Wilhelm, 1896, s. 31, 55; Keil, Wilhelm, 1931, s. 88, 154; Inscriptiones, 1975, p. 331]. Основная масса таких терминов встречается в надписях, созданных не позднее IV в.

Часто заказчики надписей прибегали к транслитерации ряда понятий, которые, надо думать, в их понимании не имели аналогов в греческой лексике. Таковыми были, прежде всего, обозначения представителей командного состава армии, особенно часто фигурирующие в эпиграфике после IV в. – *δούκος*, *δούκηνάριος*, *κεντυρίωνος*, *τριβούνος* и *ῳρδινάριος* [см. Банников, 2013, с. 93; Heberdey, Wilhelm, 1896, s. 33; Dagron, Feissel, 1987, p. 216; Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 32, 34, 139–140, 199, 204, 319, 339]; многие из них, однако, отмечены в Киликии и Исаврии единожды.

Довольно крупную подгруппу заимствований военного характера составляют названия конкретных военных профессий. Так, двуязычная надпись II–III вв. из Аназарба указывает двух солдат в статусе *ἴπτεύς νόμερος* (дословно «солдат-всадник»; в латинском тексте этому званию эквивалентно наименование *eques singularis* и, таким образом, *ἴπτεύς νόμερος* являлся

солдатом-телохранителем императора³) и διπλοκάριος, т. е. солдат на двойном довольствии; ещё одна аназарбская надпись данного периода свидетельствует о νουμέρος λαγγιάριος (солдате-копейщике), а эпитафии IV–VI вв. из Аназарба и Корика посвящены знаменосцам (δρακονάριος) [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 219; Sayar, 2000, s. 57, 70, 277]. О последних, вероятно, свидетельствует и надпись из Ламоса, упоминающая лабарум (λάβαρον) [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 312]. Несколько киликийских надписей из Селевкии Исаврийской также упоминают лучников (σαγιτάριος), причём в двух из них упомянуты σαγιττάριος δωμενίκων и μαγίστωρς σαγιττάριων δωμενίκων (т. е. вероятно, член отряда лучников-телохранителей и, соответственно, руководитель такого отряда) [Cameron, 1931, p. 256].

Дедиканты алтаря Афине в Диокесарии, Сергей Элий Юлиан и Гай Юлий Валент, в посвятительной надписи определяют себя как стационарии (στατιωνάριος). Данный термин, согласно мнению Х. Шахина, использовался для обозначения служащего *statio* – небольшой заставы или военного пикета, дислоцированного вне *castrorum* (в т. ч. в сельской местности, зачастую с целью охраны поселений от разбойников); упомянутый лишь в одной киликийской надписи, он также засвидетельствован в ряде надписей II–III вв. южной и юго-западной частей Малой Азии [Inscriptiones, 1975, p. 323; Şahin, 2009, p. 221].

Среди редких военных заимствований, распространявшихся в основном после III в., важно упомянуть термины καστρητιανός и βαλλισταρίος [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 332, 350], обозначавшие соответственно солдата пограничного военного подразделения и пращника; также, вероятно, пращником (φουνδά[τωρ?])⁴ являлся некий Индус Неон из Антиохии-на-Краге [Heberdey, Wilhelm, 1896, s. 151–152]. В исаврийском селении (κώμη) Олосада упомянут στράτωρ, т. е. армейский конюх – должность крайне редкая для Малой Азии и более часто встречающаяся в надписях Аравии, Сирии и Нижней Мёзии [Bean, Mitford, 1970, p. 137].

В отличие от политической лексики, данная группа почти не включает в себя термины-кальки. В числе редких примеров можно привести эквивалентную понятию *veteranus* кальку с лексико-семантической модификацией παλαιστρατιώτης (от παλαιός – «давний»; ср. с лат. *vetus*) [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 151], употреблённую в надписи из Кестра. Также в качестве более частотного эквивалента понятия κεντυρίωνος использовался эквивалентный термин ἑκατοντάρχης (досл. «предводитель сотни»), в т. ч. как составная часть титула ἑκατόνταρχος λεγιονάριος ὄρδινάριος (гибридное сочетание от *centuriones ordinarii*) [Hicks, 1890, p. 253; Inscriptiones, 1975, p. 347; Dagron, Feissel, 1987, p. 75].

С установлением экономического контроля Рима над регионом в местную эпиграфику проникли и заимствованные наименования римских финансовых понятий и должностей. Прежде всего, в целом ряде надписей, в основном датированных периодом II–III вв. либо не подлежащих более чёткой датировке в рамках периода римского владычества, следует отметить понятие φίσκος, подразумевавшее под собой имперскую казну [см. Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 467; Sayar, 2000, s. 75, 78, 82, 86]. В двух надписях из Элеусы Себасты и Селевкии Исаврийской в частности, охранные формулы сопровождаются требованием уплатить в случае вскрытия гробницы штраф τὸν Καίσαρος φίσκον – «в казну кесаря» [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 133, 364]. Выявленная нами статистика употребления понятий, обозначающих казну (φίσκος, с одной стороны, и ἱερώτατος ταμ(ι)εῖον или ταμ(ι)εῖον τοῦ κυρίου – с другой), позволяет говорить о вытеснении транслитерированным латинизмом греческого аналога в эпиграфике Исаврии и западной Киликии. В отличие от термина φίσκος, отмеченного

³ Любопытно, что в следующей аназарбской надписи из корпуса, составленного М. Саяром, «eq(uitum) sing(ularium)» переведено с использованием гибридной транслитерации «ίπτ[έ]α σινγουλάριν» [Sayar, 2000, s. 60].

⁴ Приведённые Э. Дикей упоминания этого термина свидетельствуют об омонимии (в греческой, но не в латинской традиции) термина φουνδάτωρ (от лат. *fundator* («основатель») и от лат. *funditor* («пращник», от *funda* – «праща, пояс») [Dickey, 2023, p. 493]). Памятуя о том, что предлагаемая надпись содержит по крайней мере два профессионима (μονομάχος и χαλκεύς, а также, вероятно, λαγη[νάριος?]), мы склонны полагать, что предлагаемая реконструкция φουνδά[τωρ], если она верна, должна также являться термином, обозначающим военную профессию, а не социально-статусное обозначение.

в нескольких десятках надписей, последняя группа понятий упоминается лишь 7 раз [см. Heberdey, Wilhelm, 1896, с. 4; Hagel, Tomaschitz, 1998, с. 88, 134, 222, 249, 466–467; Sayar, 2000, с. 75, 78, 81–82, 86].

В надписях позднеримского периода из Корика и Селевкии-на-Каликадне засвидетельствована целая группа дериватов от корня *cēnsus* – собственно κῆγνος, в ходе семантического расширения получившего значение «пóдать», а также два профессионима, обозначавших работников налоговой службы – κῆγνοτώρ и κῆγνουάλιος [Hagel, Tomaschitz, 1998, с. 232, 262, 288, 369]. Кроме того, в Корике отмечено вероятное погребение менялы (νομοκλάριος – от лат. *nūmmulārius*), в Селевкии Исаврийской – чеканщика денег (μονιτάριος)⁵, а в надписях западной Киликии четырежды (трижды – в Иотапе) упоминается должность декапрота (δεκάπρωτος – калька от лат. *decemprīmus*) – чиновника восточных провинций Римской империи, отвечавшего за сбор налогов в имперский фиск [Hagel, Tomaschitz, 1998, с. 122, 124, 126, 256, 373, 378].

К финансовым заимствованиям следует относить и наименования валюты – широко распространённое δηνάριον (лат. *denārius*) [Hagel, Tomaschitz, 1998, с. 481], а также редкие λίτρα (лат. *libra*) и νοῦμπος (лат. *nūttis*) [Idem, с. 482; Linnemann, 2013, с. 131]. При этом с употреблением в эпиграфике Киликии и Исаврии термина δηνάριον связана важная проблема. Для отдельных памятников Киликии – таких, как Ламос или Элеуса Себаста, – характерно нетипично длительное сохранение в эпиграфике греческого наименования δραχμή в противовес широко распространявшемуся в регионе латинизму δηνάριον [Bean, Mitford, 1962, р. 209]. Согласно изысканиям А. Полозы, несмотря на сложное взаимное положение денария и драхмы на присоединённых к Римской империи территориях, включая юго-западные области Малой Азии, эти понятия существовали в целом как комплементарные, а данные денежные единицы – как взаимно конвертируемые [Polosa, 2018]. Вместе с тем на протяжении I–III вв. имело место постепенное вытеснение греческого понятия латинским, о чём убедительно свидетельствует статистика их использования в «предостерегающих» формулах эпитафий Элеусы Себасты и окрестных поселений западного побережья Киликии, а также в надписях западной Киликии и Исаврии в целом [Hagel, Tomaschitz, 1998, с. 481; Polosa, 2018, р. 392–394].

Данный факт, однако, не должен использоваться для дальнейших выводов о специфике регионального монетного обращения в данный период: местные нумизматические находки свидетельствуют, что основной региональной валютой до III в. в подавляющем большинстве городов Киликии (и Малой Азии в целом) оставалась греческая драхма [Haymann, 2014, р. 144–145], и речь идёт, вероятно, лишь об установившемся языковом престиже латинского термина. Также в данном контексте важно отметить, что некоторые из крупных городов горной Киликии, долгое время управлявшиеся правителями-клиентами, перешли под прямой римский контроль лишь в правление Веспасиана [Borgia, 2017, р. 304–305], и потому столь длительное употребление термина δραχμή являлось в Киликии и Исаврии строго локальным.

Внедрение в греческий лексикон латинских наименований валюты можно включить и в более широкий контекст заимствования различных единиц измерения. Их включение в эпиграфику диктовалось, прежде всего, политическими факторами. Например, выработка эффективных механизмов управления значительно увеличившейся в I в до н. э.–II вв. н. э. Римской империи естественным образом потребовала – пусть и довольно поверхностной – унификации государственных транспортной и финансовой систем, что, в свою очередь, повлекло за собой распространение и адаптацию римских единиц измерения в преимущественно грекоязычных публичных надписях малоазийских провинций. Широкое распространение в греческой эпиграфике (в т. ч. киликийской и исаврийской) получили понятия μ(ε)ιλιον (также сокращённо «μ.» или «ιι.») [French, 2014, р. 40, 60–62] и ινδικτιών

⁵ Как известно, во время византийско-персидской войны 602–628 гг. в Селевкии впервые была начата государственная чеканка монет, вызванная переходом Антиохии под контроль Сасанидской империи и закрытием действовавшего там крупного монетного двора [Grierson, 1951]. Данное обстоятельство позволяет довольно уверенно датировать создание надписи 1-й половиной VII в.

[Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 481], причём последнее, как нетрудно догадаться, фигурирует исключительно в позднеантичных текстах.

Кроме того, в надписях 2-й пол. V – начала VI в. из Исаврии несколько раз упоминаются транслитерированные наименования месяцев – Σεπτέμβριος и Φεβρουάριος [Campbell, 1998, p. 24; Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 22, 398]. Две таких надписи (из погребения в монастыре Алахан и из нартекса церкви св. Апостолов в Анемурии) были явно созданы представителями христианского клира, что может свидетельствовать о нераспространённости латинских наименований единиц измерения времени за пределами сферы религиозной коммуникации.

Внимания заслуживает надпись на постаменте мраморной статуи конца II – начала III вв. из Тарса, использующая крайне редкий термин *statīoν* для обозначения подножия изваяния, сооружённого при финансовой поддержке грамматиков этого города [Inscriptiones, 1975, p. 339]. Латинские *архитектурные термины* не получили значительного распространения в греческом языке [Dickey, 2023, p. 636–639], но и в региональном эпиграфическом корпусе эти заимствования, уникальные для античной эпиграфики в целом, окказиональны. Нельзя не отметить, кроме того, локализацию даже столь редких и явно престижных заимствований лишь в крупных равнинных городах Киликии и Исаврии.

Так, для надписей Киликии гапаксами являются понятия *тéνπλον*, использованное в надписи V–VI вв. из Помпейополя для обозначения некоего сооружения (согласно мнению Ж. Дагрона и Д. Фисселя, этим термином могли обозначаться обрешётка деревянного навеса над стеной, вся линия стен в целом или что-либо ещё), имеющего отношение к городской крепостной стене [Dagron, Feissel, 1987, p. 59–60], и *τίτλος* (от лат. *tītulus* – в значении «надпись») из христианской надписи Росса [Heberdey, Wilhelm, 1896, s. 21]. По мнению Э. Борджа, гипотетически к данной группе относится и понятие *τόνπανος*, отмеченное в надписи середины II в. из окрестностей Селевкии Исаврийской [Borgia, 2011, p. 490–491], которое могло обозначать не только искажённое название музыкального инструмента, но и, согласно Витрувию (*Vitr. De Arch. IV. 3. 6*), внутреннее поле фронтона или вотивную нишу в эдиктуле.

Последней группой латинизмов, заслуживающей особого рассмотрения и представляющей собой наиболее обширную часть местного эпиграфического корпуса, являются *гражданские профессионимы*. Характерным маркером подавляющей части таковых, как, впрочем, и значительной части военных профессий, является суффикс *-άριος*, восходящий к латинскому суффиксу имён прилагательных *-ārius*, но принявший в греческом лексиконе исключительно субстантивное значение [Dickey, 2023, p. 543]. Как будет показано ниже, основная масса таких заимствований представляет собой транслитерированные латинские профессионимы; случаи присоединения суффикса *-άριος* к корням, употреблявшимся в данный период в греческом языке, имели место, однако являлись более редкими (напр. *ἀποθηκάριος* (от греч. *ἀποθήκη* – «хранилище»), (*λίν*)υφαντάριος (*λίνον* – «ткань»), *ξυλικάριος* (*ξύλον* – «древесина»), *ύελιάριος* (*ύαλος* – «стекло») и др.) [см. Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 243, 246, 255, 258, 278]. Редки в данном корпусе и гибридные заимствования (см. далее *μουλαγόρος*, *προταυράριος* и проч.).

Наибольший в данном отношении интерес представляет эпиграфический корпус Корика, крупного торгового города в западной части Киликии. Основная масса его надписей восходит преимущественно к V–VI векам [Гуревич, 1955, с. 128], что позволяет более уверенно говорить о бытовании латинизмов в позднеантичную эпоху. Из 675 погребальных надписей Корика не менее 66 содержат гражданские профессионимы-латинизмы [Hagel, Tomaschitz, 1998]. Однако традиция указывать род деятельности погребённого в эпитафии не была столь же распространённой в прочих местных поселениях, и эпиграфические корпуса прочих городов Киликии и Исаврии содержат наименования профессий латинского происхождения в следовых количествах.

Вопреки мнению А.Я. Гуревича о привнесении итальянскими купцами всей массы профессионимов в лексикон жителей Корика, Корасиона и некоторых других поселений Киликии и Исаврии [Гуревич, 1955, с. 129], мы должны отметить, что, согласно разысканиям

Э. Дикей, некоторые из них (*σαπροπωμάριος* и *κουδισάμιος*) не встречаются в иных латинских или греческих текстах, и, вероятно, их возникновение, пусть и мотивированное контактами с латиноязычным населением Империи, имело место в данном регионе. Трудно согласиться и с мнением Э. Кэмерона о том, что жёсткое государственное регулирование деятельности ремесленных корпораций в римский период вынуждало местных жителей *en masse* использовать заимствованные профессионимы [Cameron, 1931, p. 234]: 12 из 26 рассмотренных нами ниже понятий данного рода, как и корни, от которых они происходят, вообще не встречаются в римском или византийском законодательстве данного периода и фигурируют исключительно в частных текстах или хозяйственных папирусах [Dickey, 2023]. Очевидно, что мотивы их выработки и употребления невозможно сводить лишь к влиянию или прямому давлению римской метрополии.

Такие наименования можно разделить на несколько подгрупп. Несколько понятий, зафиксированных в Корике, Корасионе и Селевкии Исаврийской, характеризуют принадлежность погребённого к сфере торговли как таковой – *μακελ(λ)άριος*, обозначавшее, по-видимому, торговца продовольствием (от лат. *macellum*), *πρωτινάριος* (владелец харчевни) и *ταβερνάριος* («лавочник») [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 172, 269, 473]. В Корике и в западноисаврийском Иотапе было весьма распространено ювелирное дело; в числе профессий данной группы встречаются ювелиры (*αύράριος* и *προταυράριος*, от лат. *āurum* – «золото»), вышивальщики по золоту (*βαρβαρικάριος*) и огранщики самоцветов (*καβιδάριος*, от лат. *cavidarius*) [Idem, s. 470, 473, 475]. В Анемурии, Антиохии-на-Краге и Корике работали стеклоделы-витрации ((οὐ)ιτράριοι)⁶ и лагенарии (*λαγηνάριος* – изготовитель стеклянных сосудов) [Idem, s. 473–474]. В «сфере услуг» работали неоднократно упоминаемые в местных надписях приватарии (*πριβατάριος*) – держатели частных бань [Idem, 1998, s. 475].

Сферу изготовления и продажи пищевых продуктов обслуживали, в числе прочих, многочисленные пекари (*μάγκιψ*, *μάνκιπος*), хлебопёки (*στηληγγαρίος*, от лат. *siliginarius* – «пекарь хлеба из пшеницы-силиго»), кондитеры (*παστιλλάριος*), мельники (*πριστινάριος*, от лат. *pistrinarius*), изготовители колбас (*ἰσικάριος*, от лат. *īsicium* – «мясной фарш»); также к данной подгруппе может относиться сапропомарий⁷ (*σαπροπωμάριος*) [Dickey, 2023, p. 379; Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 218, 266, 268, 473–475]. Сами названия римских продуктов питания в данном регионе, видимо, практически не заимствовались; исключением из этого правила является римский соус гарум (*γάρουμ*) упомянутый в таможенном тарифе V–VI вв. из Аназарба [Dagron, Feissel, 1987, p. 171].

В исторических сочинениях Аммиана Марцеллина и Прокопия Кесарийского, в письмах Сидония Аполлинария, а также в Эдикте Диоклетиана о ценах встречаются упоминания об известных киликийских тканях и о развитии данного промысла в городах Киликии (Amm. Marc. XXII. 11, 4; Edict. Diocl. 26, 28; Procop. De Bell. 2. 26, 29; Sid. Ep. II. 9, 8). Тем менее удивительно, что значительная доля заимствованных профессионимов касается ткацкого дела. Так, в 12 надписях Киликии упомянут вышивальщик (*πλούμαριος*); характерно, что это позднеантичное заимствование в подавляющем большинстве случаев встречается в городах Египта и равнинной Киликии (десять – в некрополе Корика, по одной – в Тарсе и Помпейополе [Droß-Krüpe, Paetz, 2014, p. 218]). Корни *sārō* (лат. «мыло») и *lāna* («шерсть») стали основой для понятий *λανάριος* («шерстодел») и *σαπουλανᾶς* («шерстомойщик», гапакс) [Heberdey, Wilhelm, 1896, s. 44; Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 214, 220, 248, 260, 320]. То же можно сказать и о кожевенном ремесле, о чём говорит большое число погребений в Корике, Корасионе и

⁶ По мнению некоторых исследователей, приводимый в обеих надписях профессионим *ἰτράριος* восходит к греческому *ἴτριον* («пирог») и, как следствие, не является заимствованием [Dickey, 2023, p. 157].

⁷ Исследователи, вслед за Э. Кейлем, А. Вильгельмом и Э. Кэмероном, рассматривают данный профессионим как производный от греч. *σαπρός* («гнилой») и лат. *rotārius* («торговец фруктами») [Cameron, 1931, p. 253; Keil, Wilhelm, 1931, s. 210; Dickey, 2023, p. 410]; как следствие, его носитель, носивший, кроме того, должность иподиакона, мог быть ответственным за изготовление (и, возможно, продажу) неизвестного блюда из данных ингредиентов, либо за переработку испорченных плодов.

Селинунте, принадлежавших обувщикам-калигариям (καλιγάριος или καλ(ι)κάριος, от лат. *caliga* – «сапог») [Hagel, Tomaschitz, 1998, с. 418]. В тесном контакте с ними, очевидно, в Корике работали портной (βρικάριος) и торговец одеждой (βεστιάριος) [Idem, с. 254, 471].

Среди редких или уникальных заимствований в киликийской профессионимике следует отметить профессии πάλος (один из гладиаторских классов) [Borgia, Sayar, 1999, р. 70–71] и κουδισάμιος (вероятно, полировщик инструментов) [Hagel, Tomaschitz, 1998, с. 233; Dickey, 2023, р. 232]. В одной из надписей Диокесарии, которая может быть косвенно датирована периодом не ранее IV в. (упомянутое в ней имя Γεώργιος не засвидетельствовано в более ранних надписях региона [A Lexicon, 2013, р. 90]), засвидетельствован гибридизм-гапакс μουλαγόρος, интерпретируемый исследователями как «погонщик мулов» (μοῦλος (от лат. *mūlus*) + ἀγέέν) или как «торговец мулами» (μοῦλος + αγόρας) [Linnemann, 2013, с. 129; Dickey, 2023, р. 299]. Наконец, в неустановленной части равнинной Киликии между I и II вв. также действовала корпорация ὄτεράριοι – наёмных работников неясного «профиля» [Dagron, Feissel, 1987, р. 89].

В завершение проводимого нами анализа следует уделить особое внимание общей характеристики географической дистрибуции надписей, содержащих латинские заимствования. Учитывая специфику распространения в регионе латинской эпиграфики, с географической точки зрения мы можем говорить о своеобразной градации: если в поселениях равнинной Киликии (Эгейх, Аназарбе, Карабале, Мопсуестии, Тарсе и др.), а также в Селевкии Исаврийской засвидетельствованы как значительные группы латинских надписей [Hagel, Tomaschitz, 1998, с. 399; Pilhofer, 2016, с. 107–125, 135–141, 148–151, 159–164], так и довольно значительное число текстов с транскрибированными заимствованиями, то в равнинных и прибрежных областях западной Киликии и восточной Исаврии (Корик, Корасион, Анемурей и др., поселения долины р. Каликадн) именно греческие надписи с латинизмами превалируют над довольно немногочисленными латинскими текстами; поселения горных районов Исаврии, как правило, являются сугубо греческими.

Показательны и выборочные количественные сведения о распределении заимствований в эпиграфике отдельных памятников. Из 18 надписей Адрасса, преимущественно созданных в позднеантичную эпоху, заимствования содержатся лишь в трёх (16 %) [Hagel, Tomaschitz, 1998, с. 17–20]. В надписях некрополя Диокесарии (Ольбы), в римский период игравшей роль важного сухопутного транспортного узла, зафиксировано 93 имени, 10 из которых – латинские, а из 24 профессионимов (в т. ч. воинских званий) заимствованными являются лишь 5 [Şahin, 2009, р. 221–222; Linnemann, 2013, с. 237–238]. Значительная доля ономастики в эпиграфическом корпусе Аназарба (661 надпись [Sayar, 2000]) является латинской, тогда как заимствования имён нарицательных и титулов содержатся лишь в 35 текстах (5 %)⁸. Столь же немногочисленны и заимствования (9 надписей из 86 [Hagel, Tomaschitz, 1998; Borgia, Sayar, 1999a; Borgia, Sayar, 1999b]) и в корпусе надписей Элеусы Себасты, опубликованных М. Саяром и Э. Борджа в ряде работ с 1998 по 2021 гг.

Заключение

Бытование латинизмов в греческой эпиграфике Киликии и Исаврии, на наш взгляд, представляет собой одну из наиболее интересных и сложных проблем, связанных с исследованием процесса романизации в грекоязычных областях Средиземноморья. Классическое положение, согласно которому латынь не оказала существенного влияния на греческий язык и использовалась на Востоке в весьма ограниченных целях [Jones, 1964, р. 988; Pilhofer, 2016, с. 55], не получает подтверждения при обращении к эпиграфическим источникам: напротив, можно говорить о занявшем более восьми веков процессе обогащения греческого языка латинскими заимствованиями самого разнообразного характера, и местные корпуса греческих надписей убедительно подтверждают этот факт. Важно отметить, что на

⁸ В 16 надписях из перечисленных содержится титул Καίσαρ, в 11 – δηνάριον; все прочие заимствования, преимущественно являющиеся профессионимами, содержатся лишь в 15 надписях из 35.

протяжении всего рассматриваемого периода такое обогащение происходило далеко не только в форме заимствования отдельных корней и слов-дериватов (всегда – имён существительных), но и в виде создания достаточно немалочисленных гибридных калек, сочетавших в себе греческие и латинские лексемы или морфемы, адаптации латинских словообразовательных формантов (таких, как суффиксы *-άριος* и *-άριον*) и др.

Интенсивность данного процесса, безусловно, была неравномерной для различных тематических групп в различное время и в различных частях Киликии и Исафии. Несмотря на то, что уже к I–II вв. греческие надписи содержали термины-кальки, использующие греческие понятия при описании римских реалий военного и политического характера, в течение I в. до н. э. – III вв. н. э. основную массу заимствований в греческих почётных, посвятительных и строительных надписях прибрежных и равнинных поселений Киликии и Исафии составляли термины именно политического и – реже – военного, финансового и социально-статусного характера, в подавляющем большинстве случаев обозначавшие род деятельности или социальное положение того или иного человека.

С IV в. в восточной части Римской империи активизировался процесс заимствования военной и гражданской профессионимики, особенно широко распространившейся в надгробных надписях; этот обширный процесс не миновал и рассматриваемые нами области, получив именно в них особо интенсивное развитие. Важно, что именно данные группы латинизмов (преимущественно – прямые заимствования) стали частью местного эпиграфического корпуса под влиянием свойственных лишь данному региону экономических и военно-политических явлений и процессов, имевших место в позднеантичную эпоху. Кроме того, их употребление в позднеантичный период почти всегда инициировалось местным населением, тогда как в предыдущий период латинские заимствования нередко использовались официальными лицами латинского происхождения; тем не менее дальнейшие разыскания в этой области заслуживают отдельного внимания.

Наконец, сопоставив статистические данные о бытовании в регионе собственно латинских надписей (исходя из оценок С. Пильхофера, доля таковых редко превышала 2–4 % для отдельного памятника [Pilhofer, 2016, s. 54]) и надписей, содержащих транслитерированные латинизмы (в среднем от 5 до 10 %), нетрудно обнаружить, что интеграция последних в греческую эпиграфику обнажает скрытый от исследователей аспект языкового влияния римской культуры на повседневную жизнь греческого и вообще грекоязычного населения восточных областей Римской империи. Эти сведения также убедительно доказывают сохранение, пусть и в отдельных сферах жизни, престижного характера латинского языка для местного населения в римскую и в позднеантичную эпохи.

Список литературы

- Банников А.В., Морозов М.А. 2013. Византийская армия (IV–XII вв.). Санкт-Петербург, Евразия, 688 с.
- Гуревич А.Я. 1955. Из экономической истории одного восточного города (некрополь киликийского города Корика). *Вестник древней истории*. 51(1): 126–135.
- Чуева С.Ю. 2024. Изменение продуктивности суффикса феминитивов *-ισσα* в греческом языке (диахронный анализ). *Rhema. Рема*. 2: 33–60.
- A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. V.B: Coastal Caria to Cilicia. 2013. J.-S. Balzat et al. (eds.). Oxford, Clarendon Press, 471 p.
- Bean G.E., Mitford T.B. 1962. Sites Old and New in Rough Cilicia. *Anatolian Studies*. 12: 185–217.
- Bean G.E., Mitford T.B. 1970. Journeys in Rough Cilicia 1964–1968. Wien, Hermann Böhlau Nachfolger, 277 p.
- Borgia E. 2010. Le Iscrizioni di età romana e bizantina. In: *Elaiussa Sebaste III: L’Agora Romana*. E.E. Schneider (eds.). İstanbul, Ege Yayınlari: 141–163.
- Borgia E. 2011. L’iscrizione di Athena en Tagais e i santuari rupestri della Cilicia Tracheia. *Scienze dell’Antichità*. 17: 477–507.
- Borgia E. 2017. Cilicia and the Roman Empire: Reflections on Provincia Cilicia and its Romanisation. *Studia Europaea Gnesnensis*. 16: 295–318.

- Borgia E., Sayar M.H. 1999a. Catalogo delle iscrizioni. In: *Elaiussa Sebaste I: campagne di Scavo 1995–1997*. E.E. Schneider (eds.). Roma, «L’Erma» di Bretschneider: 63–82.
- Borgia E., Sayar M.H. 1999b. Iscrizioni inedite provenienti dalle campagne di scavo 1996–1997. In: *Elaiussa Sebaste I: campagne di Scavo 1995–1997*. E.E. Schneider (eds.). Roma, «L’Erma» di Bretschneider: 327–359.
- Cameron A. 1931. Latin Words in the Greek Inscriptions of Asia Minor. *The American Journal of Philology*. 52(3): 232–262.
- Campbell S. 1998. Mosaics of Anemurium. Winnipeg, Hignell Printing, 73 p.
- Corpus Inscriptionum Graecarum. Vol. III. Fasc. I. 1853. Ed. I. Franzius. Berolini, Officina Academica, 1271 p.
- Dagron G., Feissel D. 1987. Inscriptions de Cilicie. Paris, De Boccard, 297 p.
- Dickey E. 2023. Latin Loanwords in Ancient Greek: A Lexicon and Analysis. Cambridge, Cambridge University Press, 731 p.
- Droß-Krüpe K., Paetz A. 2014. Unravelling the Tangled Threads of Ancient Embroidery: A Compilation of Written Sources and Archaeologically Preserved Textiles. In: *Greek and Roman Textiles and Dress: An Interdisciplinary Anthology*. Harlow M., Nosch M.-L. (eds.). Oxford, Oxbow Books: 207–235.
- French D.H. 2014. Roman Roads and Milestones of Asia Minor. Vol. 3: Milestones. Fasc. 3.7. Cilicia, Isauria et Lycaonia (and South-West Galatia). [S. l.], British Institute at Ankara, 83 p.
- Gough M. 1952. Anazarbus. *Anatolian Studies*. 2: 85–150.
- Graen D. 2005. Integration. In: *Romanisierung – Romanisation: Theoretische Modelle und praktische Fallbeispiele*. Schörner G. (ed.). Oxford, BAR Publishing: 35–38.
- Grierson P. 1951. The Isaurian Coins of Heraclius. *The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society, Sixth Series*. 11 (41): 56–67.
- Hagel S., Tomaschitz K. 1998. Repertorium der westkilikischen Inschriften. Wien, Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften, 524 p.
- Haymann F. 2014. Hadrianic Silver Coinage of Aegeae (Cilicia). *The American Journal of Numismatics*. 26: 143–186.
- Heberdey R., Wilhelm A. 1896. Reisen in Kilikien. Vienna, Kaiserliche Österreichische Akademie der Wissenschaften, 168 s.
- Hicks E.L. 1890. Inscriptions from Eastern Cilicia. *The Journal of Hellenic Studies*. 11: 236–254.
- Houwink ten Cate P.H.J. 1961. The Luwian Population Groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic Period. Leiden, E.J. Brill, 258 p.
- Inscriptiones graecae ad res romanas pertinentes. T. III: *Inscriptiones Asiae I*. 1975. Ed. R. Cagnat. Chicago, Ares Publishers, 694 p.
- Jones A.H.M. 1964. The Later Roman Empire 284–602. A Social Economic and Administrative Survey. Vol. II. Oxford, Basil Blackwell, 546 p.
- Keil J., Wilhelm A. 1915. Vorläufiger Bericht über eine Reise in Kilikien. *Jahreshefte Des Österreichischen Archäologischen Institutes*. 18: 6–60.
- Keil J., Wilhelm A. 1931. *Monumenta Asiae Minoris Antiqua*. Volume III. Denkmäler aus dem Rauen Kilikien. Manchester, The Manchester University Press, 237 s.
- Linnemann J.C. 2013. Diokaisareia in Kilikien: Ergebnisse des Surveys 2001–2006. Band 3: Die Nekropolen von Diokaisareia. Berlin, Walter de Gruyter, 247 s.
- Mitford T.B. 1980. Roman Rough Cilicia. *Aufstieg und Niedergang der Romischen Welt*. 7(2): 1230–1261.
- Onur F. 2017. The Anastasian Military Decree from Perge in Pamphylia: Revised 2nd Edition. *Gephyra*. 2017: 133–212.
- Pilhofer S. 2016. Romanisierung in Kilikien? Das Zeugnis der Inschriften. München, Herbert Utz Verlag, 299 p.
- Polosa A. 2018. Dracme e denarii nelle iscrizioni di Elaiussa Sebaste (Cilicia Tracheia). In: *Munus Laetitia: Studi miscellanei offerti a Maria Letizia Lazzarini*. Roma, 2018: 389–402.
- Robert L. (1977) Documents d’Asie Mineure. *Bulletin de correspondance hellénique*. 101(1): 43–132.
- Şahin H. 2009. A New Dedication to Athena from Diocaesarea (Uzunburç). *Adalya*. 12: 221–230.
- Sayar M.H., Siewert P., Taeuber H. 1994. Asylie-Erklärungen des Sulla und des Lucullus für das Isis- und Sarapisheiligtum von Mopsuhestia (Ostkilikien). *Tyche. Beiträge zur Alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik*. 9: 113–130.
- Sayar M.H. 2000. Die Inschriften von Anazarbos und Umgebung. Vol. 1: Inschriften aus dem Stadtgebiet und der nächsten Umgebung der Stadt. Bonn, R. Habelt, 302 s.
- Sayar M.H. 2019. Veterans in the Territory of Olba in Roman Imperial Time. *Selevcia*. 9: 65–74.

References

- Bannikov A.V., Morozov M.A. 2013. Vizantiyskaya armiya (IV–XII vv.) [The Byzantine Army (4th – 12th Centuries)]. Sankt-Peterburg, Evrazija, 688 p.
- Gurevich A.Ya. 1955. Iz ekonomicheskoy istorii odnogo vostochnogo goroda (nekropol' kilikiyskogo goroda Korika) [From the Economic History of one Eastern Roman City (Necropolis of the Cilician City of Corycus)]. *Vestnik drevney istorii*. 51(1): 126–135.
- Chueva S.Yu. 2024. Izmenenie produktivnosti suffiksa feminitivov -ισσα в grecheskom yazyke (diahronnyy analiz) [Changes in the Productivity of the Feminine Suffix -ισσα in Greek (Diachronic Analysis)]. *Rhema. Rema*. 2: 33–60.
- A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. V.B: Coastal Caria to Cilicia. 2013. J.-S. Balzat et al. (eds.). Oxford, Clarendon Press, 471 p.
- Bean G.E., Mitford T.B. 1962. Sites Old and New in Rough Cilicia. *Anatolian Studies*. 12: 185–217.
- Bean G.E., Mitford T.B. 1970. Journeys in Rough Cilicia 1964–1968. Wien, Hermann Böhlaus Nachfolger, 277 p.
- Borgia E. 2010. Le Iscrizioni di età romana e bizantina. In: *Elaiussa Sebaste III: L’Agora Romana*. E.E. Schneider (eds.). İstanbul, Ege Yayımları: 141–163.
- Borgia E. 2011. L’iscrizione di Athena en Tagais e i santuari rupestri della Cilicia Tracheia. *Scienze dell’Antichità*. 17: 477–507.
- Borgia E. 2017. Cilicia and the Roman Empire: Reflections on Provincia Cilicia and its Romanisation. *Studia Europaea Gnesnensis*. 16: 295–318.
- Borgia E., Sayar M.H. 1999a. Catalogo delle iscrizioni. In: *Elaiussa Sebaste I: campagne di Scavo 1995–1997*. E.E. Schneider (eds.). Roma, «L’Erma» di Bretschneider: 63–82.
- Borgia E., Sayar M.H. 1999b. Iscrizioni inedite provenienti dalle campagne di scavo 1996–1997. In: *Elaiussa Sebaste I: campagne di Scavo 1995–1997*. E.E. Schneider (eds.). Roma, «L’Erma» di Bretschneider: 327–359.
- Cameron A. 1931. Latin Words in the Greek Inscriptions of Asia Minor. *The American Journal of Philology*. 52(3): 232–262.
- Campbell S. 1998. Mosaics of Anemurium. Winnipeg, Hignell Printing, 73 p.
- Corpus Inscriptionum Graecarum. Vol. III. Fasc. I. 1853. Ed. I. Franzius. Berolini, Officina Academica, 1271 p.
- Dagron G., Feissel D. 1987. Inscriptions de Cilicie. Paris, De Boccard, 297 p.
- Dickey E. 2023. Latin Loanwords in Ancient Greek: A Lexicon and Analysis. Cambridge, Cambridge University Press, 731 p.
- Droß-Krüpe K., Paetz A. 2014. Unravelling the Tangled Threads of Ancient Embroidery: A Compilation of Written Sources and Archaeologically Preserved Textiles. In: *Greek and Roman Textiles and Dress: An Interdisciplinary Anthology*. Harlow M., Nosch M.-L. (eds.). Oxford, Oxbow Books: 207–235.
- French D.H. 2014. Roman Roads and Milestones of Asia Minor. Vol. 3: Milestones. Fasc. 3.7. Cilicia, Isauria et Lycaonia (and South-West Galatia). [S. l.], British Institute at Ankara, 83 p.
- Gough M. 1952. Anazarbus. *Anatolian Studies*. 2: 85–150.
- Graen D. 2005. Integration. In: *Romanisierung – Romanisation: Theoretische Modelle und praktische Fallbeispiele*. Schörner G. (ed.). Oxford, BAR Publishing: 35–38.
- Grierson P. 1951. The Isaurian Coins of Heraclius. *The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society, Sixth Series*. 11 (41): 56–67.
- Hagel S., Tomaschitz K. 1998. Repertorium der westkilikischen Inschriften. Wien, Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften, 524 p.
- Haymann F. 2014. Hadrianic Silver Coinage of Aegeae (Cilicia). *The American Journal of Numismatics*. 26: 143–186.
- Heberdey R., Wilhelm A. 1896. Reisen in Kilikien. Vienna, Kaiserliche Österreichische Akademie der Wissenschaften, 168 s.
- Hicks E.L. 1890. Inscriptions from Eastern Cilicia. *The Journal of Hellenic Studies*. 11: 236–254.
- Houwink ten Cate P.H.J. 1961. The Luwian Population Groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic Period. Leiden, E.J. Brill, 258 p.
- Inscriptiones graecae ad res romanas pertinentes. T. III: *Inscriptiones Asiae* I. 1975. Ed. R. Cagnat. Chicago, Ares Publishers, 694 p.
- Jones A.H.M. 1964. The Later Roman Empire 284–602. A Social Economic and Administrative Survey. Vol. II. Oxford, Basil Blackwell, 546 p.

- Keil J., Wilhelm A. 1915. Vorläufiger Bericht über eine Reise in Kilikien. *Jahreshefte Des Österreichischen Archäologischen Institutes*. 18: 6–60.
- Keil J., Wilhelm A. 1931. *Monumenta Asiae Minoris Antiqua*. Volume III. Denkmäler aus dem Rauen Kilikien. Manchester, The Manchester University Press, 237 s.
- Linnemann J.C. 2013. Diokaisareia in Kilikien: Ergebnisse des Surveys 2001–2006. Band 3: Die Nekropolen von Diokaisareia. Berlin, Walter de Gruyter, 247 s.
- Mitford T.B. 1980. Roman Rough Cilicia. *Aufstieg und Niedergang der Romischen Welt*. 7(2): 1230–1261.
- Onur F. 2017. The Anastasian Military Decree from Perge in Pamphylia: Revised 2nd Edition. *Gephyra*. 2017: 133–212.
- Pilhofer S. 2016. Romanisierung in Kilikien? Das Zeugnis der Inschriften. München, Herbert Utz Verlag, 299 p.
- Polosa A. 2018. Dracme e denarii nelle iscrizioni di Elaiussa Sebaste (Cilicia Tracheia). In: *Munus Laetitia: Studi miscellanei offerti a Maria Letizia Lazzarini*. Roma, 2018: 389–402.
- Robert L. (1977) Documents d’Asie Mineure. *Bulletin de correspondance hellénique*. 101(1): 43–132.
- Şahin H. 2009. A New Dedication to Athena from Diocaesarea (Uzunburç). *Adalya*. 12: 221–230.
- Sayar M.H., Siewert P., Taeuber H. 1994. Asylie-Erklärungen des Sulla und des Lucullus für das Isis- und Sarapisheiligtum von Mopsuestia (Ostkilikien). *Tyche. Beiträge zur Alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik*. 9: 113–130.
- Sayar M.H. 2000. Die Inschriften von Anazarbos und Umgebung. Vol. 1: Inschriften aus dem Stadtgebiet und der nächsten Umgebung der Stadt. Bonn, R. Habelt, 302 s.
- Sayar M.H. 2019. Veterans in the Territory of Olba in Roman Imperial Time. *Selevcia*. 9: 65–74.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 30.04.2025

Received 30.04.2025

Поступила после рецензирования 29.06.2025

Revised 29.06.2025

Принята к публикации 31.07.2025

Accepted 31.07.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лобынцев Денис Викторович, аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

[ORCID: 0000-0001-9127-0812](#)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis V. Lobyncev, Postgraduate Student of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia